

01.09.2020

РОЖДЁННЫЕ ПАНДЕМИЕЙ

№5 2020 Сентябрь/Октябрь

ОКСАНА СИНЯВСКАЯ

Заместитель директора Института социальной политики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

СТАНУТ ЛИ КОРОНАВИРУС И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС РОДИТЕЛЯМИ НОВОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?

Нет никакого смысла рушить старую систему,
если взамен неё ты не можешь предложить лучший мир...
Знания требуют перемен в сознании,
но никто не любит пересматривать своё ограниченное видение мира.
Бернар Вербер. Завтрашний день кошки, 2017

Пандемия коронавируса 2020 г. – событие глобального значения, достаточно масштабное для того, чтобы изменить философию социальной роли государства или по меньшей мере ослабить доминирование устаревшей неолиберальной модели.

Драматичность изменений в обыденной жизни, обрушившихся на нас за последние месяцы, так и подталкивает к тому, чтобы воскликнуть: «Мир уже никогда не будет прежним!». Мы наблюдаем, как во многих странах во имя спасения человеческих жизней правительства вводят режимы изоляции, останавливают деятельность целых секторов экономики и направляют значительные ресурсы на поддержку бизнеса и населения. Впервые здоровье граждан стало вопросом национальной безопасности, и это серьёзное основание надеяться на то, что государства задумаются, как подготовиться к похожим стрессам в будущем.

Государственная активность, казалось бы, контрастирует с неолиберальной риторикой последних десятилетий, когда социальные государства сравнивались с «дырявым ведром», через которое утекают деньги налогоплательщиков, «раздутые» социальные расходы рассматривались как подрыв стимулов работать и инвестировать^[1]. В этом контексте неудивительно, что, начиная с 1980-х гг., всё более настойчиво звучали призывы сократить социальные расходы как главный тормоз экономического развития и переложить ответственность за благосостояние с государства на население. А правительства консерваторов, наиболее яркими представителями которых были Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, проводили реформы, направленные на

приватизацию не только государственных компаний, но и социальных программ, ужесточение критериев адресности и необходимости предоставления социальной помощи, сокращение охвата, включая государственные гарантии в здравоохранении.

В условиях пандемии те самые социальные государства, закат которых предрекали ещё двадцать-тридцать лет назад, выступают в роли макроэкономического стабилизатора – эдакой подушки безопасности, не только защищающей людей, но и спасающей экономику от краха. По данным Всемирного банка, к середине июня 2020 г. те или иные антикризисные меры социальной защиты были приняты в 195 странах[2]. По сравнению с 20 марта 2020 г. количество таких стран выросло более чем в четыре раза, а число принятых в ответ на пандемию мер социальной защиты – увеличилось в десять раз, превысив тысячу. Объём денежных выплат населению в среднем в мире составляет около 30% месячного ВВП – варьируя от 21% в странах с доходами выше среднего до 47% в низкодходных странах. Ради поддержки пострадавших секторов экономики и доходов населения богатые страны распаковывают стабилизационные и резервные фонды, увеличивают государственный долг, бедные – наращивают долг внешний.

Означает ли это, что закончилась эпоха торжества неолиберализма с его критическим отношением к социальным функциям государства и реформами, направленными на сокращение социальных расходов? Можно ли ожидать, что пандемия окажет такое же трансформирующее влияние на социальное развитие, каким было в своё время воздействие Второй мировой войны? Последняя привела в 1942 г. к появлению знаменитого доклада лорда Уильяма Бевериджа и расцвету универсальных социальных государств в развитых странах Европы и за её пределами.

Социальное государство как антикризисный управляющий

Ответ на первый вопрос, на мой взгляд, с высокой вероятностью отрицательный. Когда угроза массовой гибели граждан отступит, а экономические трудности, наоборот, обострятся, во имя спасения государственных бюджетов и экономики правительства многих стран вновь заговорят о необходимости урезать социальные расходы, ужесточая доступ к социальным программам, сокращая размеры пособий и повышая их адресность. Радикальность этого разворота во многом будет зависеть от докризисного уровня развития страны и того, насколько эффективно ей удалось справиться с коронавирусом.

Подобная схема разворачивалась в ходе финансового кризиса 2008–2009 годов. Именно тогда социальные государства впервые столь последовательно, в том числе на международном уровне, исполнили роль «антикризисного управляющего» для быстрой стабилизации экономики[3]. Расширение социальных расходов, пусть и не такое значительное как сейчас, затронуло страны не только с высоким, но и со средним уровнем дохода. Была увеличена поддержка наиболее уязвимых слоёв населения через инструменты социальной помощи, облегчён доступ к пособиям по безработице, в ряде стран – к программам субсидирования неполной занятости, повышен уровень минимальной заработной платы, расширены активные программы на рынке труда и тому подобное[4].

В ноябре 2009 г. Международная организация труда выпустила Глобальный пакт о рабочих местах[5], подчёркивающий важность для преодоления кризиса политики, направленной на создание рабочих мест и поддержку доходов населения, для преодоления кризиса. Созданные до 2008 г. социальные программы позволили странам легче справиться с кризисом[6]. И тем не менее уже в 2010 г., с появлением первых признаков того, что кризис удалось преодолеть, страны вернулись к политике фискальной консолидации и сокращению социальных расходов[7]. Причём это сокращение затронуло не только наиболее развитые страны, но и страны со средним и низким уровнем развития. Поскольку нынешний спад, по прогнозам МВФ, окажется намного глубже и продолжительнее кризиса 2008–2009 гг., необходимость «затянуть пояса» будет, видимо, стоять более остро.

Вопреки распространённым представлениям о том, что кризис «обнуляет» прежние договорённости и создаёт пространство для радикальных общественных преобразований, меры быстрого реагирования на полные неопределённости ситуации кризиса, как правило, опираются на действующие решения и программы[8]. Например, в США, где рынок труда отличается гибкостью, а социальные программы фокусируются на адресной поддержке бедных, и в 2008–2009 гг., и сейчас принимаются решения, облегчающие получение пособий по безработице и увеличивающие благосостояние лиц с наименьшими доходами.

В странах континентальной Европы, наиболее типичным (и богатым) представителем которой является Германия, антикризисные социальные меры опираются на существующие программы социального страхования и направлены на сохранение неполной занятости посредством субсидирования зарплат. В условиях пандемии подобные программы поддержки занятости с высокими уровнями компенсации зарплаты – до 60–90% – введены в большинстве стран ЕС и в Великобритании.

В скандинавских странах, например, в Швеции и Дании и в кризис 2008–2009 гг., и сейчас наряду с программами сохранения занятости фокус направлен на активные действия на рынке труда, включая облегчённый доступ к субсидируемому образованию для взрослых («народные школы») и переобучению. В России привычной является категориальная модель социальной поддержки (в кризис 2008–2009 гг. объектом помощи были пенсионеры, в настоящее время – семьи с детьми) и «адресная», на основе регулярно пересматриваемых списков пострадавших отраслей и системообразующих предприятий, помощь бизнесу через снижение налогов и страховых платежей.

При этом меньше новых мер по поддержке населения принимается в Германии и скандинавских странах. Созданные там социальные государства с множеством программ, охватывающих все слои населения и позволяющих поддерживать достойный уровень жизни в различных обстоятельствах, не нуждаются в экстраординарных мерах в условиях кризиса. А чем слабее было социальное государство до начала пандемии (и особенно – если оно отсутствовало), тем больше решений приходится принимать в авральном режиме, отвечая непосредственно на кризис.

Могут ли пандемия и кризис стать родителями новой модели социального государства?

Итак, наиболее вероятный сценарий ближайшего будущего – опора на действующие подходы в социальной политике и краткосрочное увеличение социальных расходов. А сразу по завершении острой фазы пандемии – реформы, направленные на сокращение социальных обязательств. Но, несмотря на такой весьма вероятный «регресс» в бюджетных расходах, наиболее трансформирующее влияние нынешний кризис, скорее всего, окажет на страны, где до начала пандемии социальные программы отсутствовали или имели ограниченный охват. Для них важны, во-первых, осознание, что меры поддержки населения могут использоваться в целях экономической политики, а во-вторых, опыт разработки и реализации программ. На приобретённые административные компетенции можно будет опираться в дальнейшем.

В богатых странах, обладающих зрелым социальным государством, изменения, скорее всего, будут минимальны и, по крайней мере, не все из них связаны с пандемией. С одной стороны, это следствие инерционности самих социальных программ, охватывающих практически всё население, – многие обязательства, например, в пенсиях или долговременном уходе, выданы на несколько десятилетий вперёд; выплаты при наступлении определённых жизненных ситуаций давно стали частью индивидуальных и семейных стратегий. С другой стороны, пандемия – как любое чрезвычайное событие – непредсказуема. А социальные государства имеют дело с предсказуемыми на макроуровне и относительно массовыми рисками, ставшими актуальными при переходе к индустриальному обществу, – такими, как безработица или утрата трудоспособности в результате болезни, инвалидности или старости.

Не случайно, источниками создания или трансформации социальных государств становятся вызовы, растянутые во времени: вначале – индустриализация, изменившая характер труда и семейный уклад, сейчас – старение населения и очередное изменение характера занятости, вызванное технологической революцией и развитием сектора услуг. Знаменитый доклад лорда Бевериджа 1942 г., повлиявший на облик послевоенных социальных государств, был ответом не столько на события Второй мировой войны, сколько на повторяющиеся ситуации экономической турбулентности – после Первой мировой, затем в Великую депрессию и, наконец, во Вторую мировую войну[9]. Их следствием становилась массовая безработица и потеря доходов широкими слоями населения.

Как справедливо отмечает профессор Фрэнсис Каслз, новые институты создаются тогда, когда есть уверенность в том, что обстоятельства, при которых эти институты будут востребованы, повторятся в будущем[10]. Следовательно, если появятся веские основания считать, что нынешняя пандемия с нами надолго или вспышки болезней, подобные *COVID-19*, будут регулярно повторяться в будущем, это может стать катализатором изменений в системе здравоохранения и социальной защиты. Источником трансформации в средне- и долгосрочной перспективе способна выступить и сама пандемия, если она существенно изменит контекст, в котором действуют нынешние социальные государства.

Социальные вызовы пандемии и посткоронавирусное будущее

Первый, лежащий на поверхности, вызов, с которым столкнулись большинство развитых стран, обусловлен **неспособностью систем здравоохранения справиться с быстро распространяющейся вирусной инфекцией**. С одной стороны, на протяжении десятилетий здравоохранение в этих странах перестраивалось на работу с пациентами всё более старшего возраста и их хроническими неинфекционными заболеваниями (сердечно-сосудистыми, эндокринными, онкологическими и прочими). В этом мире большинство опасных инфекций было побеждено, и потребность в эпидемиологах и инфекционистах закономерно упала. С другой стороны, под влиянием неолиберальных идей здравоохранение на протяжении последних тридцати лет неуклонно коммерциализировалось и оптимизировалось, да и сокращение социальных расходов после кризиса 2008–2009 гг. в наибольшей степени коснулось именно здравоохранения^[11].

Пандемия побуждает реформировать действующие системы здравоохранения, направляя туда больше, чем прежде, средств.

В условиях более высокой вероятности повторяющихся инфекций, характер и точное время прихода которых трудно предсказать, очевидно, что система здравоохранения должна стать более гибкой, способной быстро перестраиваться и перераспределять ресурсы. Одним из инструментов медицины будущего станут, по-видимому, информационные технологии, позволяющие как создавать единые информационные системы, объединяющие все уровни здравоохранения, так и развивать телемедицину – дистанционное предоставление медицинских услуг, актуальность которого возрастает в условиях эпидемий.

Кроме того, системам здравоохранения стареющих стран придётся развивать два направления: эпидемиологическое и связанное с возрастзависимыми хроническими неинфекционными заболеваниями. Высокая смертность людей с коронавирусом от осложнений, ассоциированных с разнообразными хроническими заболеваниями, ставит под сомнение эффективность сложившейся в конце XX века модели увеличения продолжительности жизни. В нынешних условиях уже недостаточно поддерживать жизнь людей с нарастающими проблемами здоровья. Важно научиться отодвигать начало этих заболеваний и сохранять здоровье граждан до как можно более преклонного возраста. Поэтому появившееся менее трёх десятилетий назад направление антивозрастной медицины, занимающейся выявлением, превенцией и коррекцией возрастзависимых заболеваний, может получить мощный импульс к развитию.

На этом пути наибольшие опасности подстерегают страны, которым пандемию удалось преодолеть без большого числа смертей. В этом случае возникает большой соблазн, не углубляясь в профессиональную диагностику факторов, способствовавших такому развитию событий, поверить, что система здравоохранения, выстоявшая под напором коронавируса, не нуждается в реформировании. Излишняя фокусировка на показателях смертности от коронавируса способна обесценить вторичные потери от пандемии – масштабы ухудшения качества жизни и состояния здоровья людей, не получивших вовремя медицинскую помощь в связи с другими болезнями из-за того, что все ресурсы здравоохранения были брошены на борьбу с вирусом.

Однако самая главная проблема, которую обнажила эта пандемия, связана с **высокой социальной ценой неравенства**. Казалось бы, перед лицом вируса равны все, что подтверждают случаи заболевания среди политиков, известных актёров, спортсменов,

представителей шоу-бизнеса и других элитных слоёв общества. Однако это скорее исключения, не меняющие общего правила: низшие слои общества больше подвержены рискам заразиться, не получить вовремя надлежащее лечение и умереть, это очевидно. И чем выше уровень доходного и имущественного неравенства в стране, чем селективнее в ней охват социальными программами и медицинскими услугами, тем, скорее всего, эти различия будут более выраженными, о чём свидетельствуют, например, последние данные из США.

Причин здесь несколько. **Во-первых**, высокое экономическое неравенство, как правило, сопровождается значительным неравенством в плане здоровья и смертности. Разность социальных статусов зачастую прослеживается с детского возраста[12]. И естественно, что по мере взросления хронических заболеваний у людей с низким социальным статусом будет больше.

Во-вторых, представители нижних слоёв чаще заняты в сфере обслуживания и персональных услуг: они работают в общественном питании, торговле, курьерами, таксистами, помощниками по хозяйству, сиделками, нянями и так далее. Следовательно, в период эпидемии они либо продолжили работать, подвергая себя высокому риску заразиться, либо потеряли единственный источник дохода. Поскольку зачастую их работа осуществляется неформально, то доступность для них медицинских услуг и социальных выплат во многом зависит от того, насколько готово их замечать государство.

В результате общество, допускающее существование такого острого неравенства, скорее всего, заплатит высокую цену за выход из кризиса, порождённого пандемией. Большим числом смертей и, скорее всего, глубоким социальным и экономическим кризисом. Столкновения на расовой почве в США – не только отражение традиционно сложных межрасовых отношений, но и проявление социального конфликта, обусловленного высоким неравенством и снижением возможностей социальной мобильности для представителей низших слоёв населения. Исследования Дэвида Грусски и других социологов показывают, что рост неравенства в развитых странах в последние десятилетия привёл к снижению межпоколенческой социальной мобильности, в том числе – в значительной мере – и в Соединённых Штатах[13].

Неравенство усугубляет негативные последствия пандемии, а пандемия становится источником дальнейшего углубления неравенства. Качество жизни в период карантинных мер несравнимо выше в верхних социальных группах, где люди имеют и просторное, часто загородное, жильё, и сбережения, и возможности дистанционной занятости, и выше вероятность того, что пожилые представители верхушки общества не окажутся в тех домах престарелых, где старики массово заражаются и умирают.

Коронакризис показал, как легко и внезапно может быть нарушена работа целых секторов экономики – индустрии развлечений, общественного питания, туризма, авиаперевозок и так далее. Восстановление деловой активности, прежде всего в секторе услуг, займёт не один год. И это значит, что определённая часть людей окажется без работы. Под удар попали многочисленные нестабильные и плохо оплачиваемые рабочие места в сфере обслуживания, предполагающие непосредственный личный контакт с клиентами. Те, кто вернутся в этот сектор, будут трудиться в более тяжёлых условиях. Нестабильность их занятости может ещё больше ограничить возможности их детей не повторить судьбу родителей и подняться выше по социальной лестнице. И, напротив, профессионалы из не пострадавших в кризис

секторов, имеющие возможность работать дистанционно, сохранили заработную плату даже в период карантина.

Вместе с тем спровоцированный пандемией массовый переход к дистанционной занятости только на первый взгляд открывает работникам больше возможностей.

С высокой вероятностью он усугубит тенденцию ухудшения условий труда и повышения его интенсивности за счёт стирания грани между работой и отдыхом.

Если XX век сопровождался прогрессом в сфере защиты права на отдых и его достижением был переход к восьмичасовому рабочему дню, то XXI век возвращает нас к истокам раннего капитализма: современные средства связи, обеспечивая постоянную доступность человека, нарушают его личное пространство и по сути уничтожают право на отдых: за право включать в рабочее время задачи, связанные с организацией личной и семейной жизни, высококвалифицированный пролетариат «новой экономики» расплачивается тем, что работает уже не только вечерами или ночами, но и в выходные дни и во время отпуска.

Пандемия и её последствия потенциально могут стать источником межпоколенческих конфликтов. С одной стороны, есть лежащее на поверхности противоречие между рисками тяжёлого течения коронавируса и смертности от него у людей старшего возраста и экономическими потерями от карантина у трудоспособных поколений. С другой стороны, хотя это и менее очевидно, благосостояние пожилых людей также неразрывно связано с ситуацией на рынке труда и трудовыми доходами. Сокращение рабочих мест и зарплат означает меньше поступлений в пенсионный фонд и бюджеты и, соответственно, меньше возможностей поддерживать прежние выплаты для стариков. И ещё большие проблемы для развития дополнительных социальных программ, направленных на повышение качества их жизни – социальное обслуживание и уход, инициативы по созданию дружественной среды и тому подобное. В условиях возросшей конкуренции за рабочие места и под видом заботы о здоровье пожилых может произойти усиление проявлений возрастных стереотипов – эйджизма, которое ограничит возможности этой социальной группы трудиться.

В поисках новой справедливой модели социального государства

Уязвимость огромного числа людей перед социальными и экономическими последствиями пандемии спровоцировала дискуссию о необходимости вернуться к идее универсальной социальной защиты, охватывающей неформально занятых и прекариат. Вновь зазвучали голоса в поддержку универсального безусловного базового дохода – инструмента, который ещё недавно был предметом активных дискуссий в контексте смягчения последствий новой технологической революции.

Однако пока к этой подкупающей своей простотой концепции остаётся много вопросов, ответы на которые могут иметь различные последствия с точки зрения влияния на благосостояние и неравенство, мотивацию людей и соответствие представлениям о социальной справедливости. Например, в какой степени он будет дополнять, а в какой замещать существующие социальные программы? И какие из них? Что станет источником его финансирования? В какой степени он будет поддерживать перераспределение ресурсов в пользу наименее обеспеченных и защищённых, а в какой – направлять ресурсы тем, кто и без них живёт неплохо? Большой риск увлечения концепцией базового дохода состоит в том, что он подаётся как универсальная таблетка от всех болезней современных социальных государств. Тогда как растущее разнообразие обществ и индивидуальных жизненных траекторий требует, напротив, разнообразия ответов и многообразия социальных программ.

Социальные государства XX века, сформировавшиеся как ответ на вызовы индустриализации и социально-экономических потрясений первой половины прошлого столетия, заложили основу новых взглядов на права граждан, социальную справедливость и роль государства. Стандарты условий труда и относительно низкая дифференциация заработков в промышленности были залогом стабильной работы институтов социального страхования. В 1950–1960-е гг. женщины в большинстве развитых стран были мало представлены в сегменте оплачиваемой занятости, а в странах социалистического блока, поддерживавших женскую занятость, ещё существовало старшее поколение женщин – «бабушек», готовых нести на своих плечах не только хозяйство и воспитание детей, но и уход за больными родственниками. Это позволяло социальным государствам в большей степени фокусироваться на монетарных инструментах поддержки, приоритетом которых было, во-первых, перераспределение доходов в пользу наименее обеспеченных, а во-вторых – сохранение доходов граждан в случае болезни, безработицы, инвалидности или старости.

Во многом сложившаяся в то время модель социальной справедливости нашла отражение в работах американского философа Джона Ролза [14], описывавшего ситуацию справедливого неравенства как такую, которая не ущемляет права наименее обеспеченных и, более того, позволяет увеличить их благосостояние. Второй принцип справедливости Ролза относится к обеспечению равенства возможностей при занятии должностей, что, по сути, требует равенства возможностей в образовании для всех граждан независимо от уровня их благосостояния. Идеи Ролза описывают причины существования многих сложившихся на тот момент институтов социальных государств. Прежде всего, программ, гарантирующих определённый минимум доходов всему населению, и программ социального страхования, участие в которых приобретает смысл в условиях «завесы неведения».

Однако модели социальной справедливости и социальные институты, адекватные условиям семидесятилетней давности, не соответствуют новым рискам и потребностям современных обществ. Изменения затронули все сферы. Здесь и гендерная революция в публичной сфере, и меньшая распространённость и стабильность браков, подрывающая возможности семьи нести бремя ухода за детьми и стариками, и проблема бедности в ситуации потери трудового дохода единственным родителем, и меньшая стабильность занятости и заработков, и распространение нестандартных условий занятости, и большая поляризация занятости в секторе услуг, чем это имело место в промышленности, и старение населения, заставляющее задуматься о будущем

пенсионных систем, а одновременно – о важности производительности труда в условиях стареющей рабочей силы. Пандемия и следующий за ней экономический кризис не изменили ни одно из этих условий – напротив, лишь усугубили проблему ограниченности «хороших» рабочих мест и стабильной занятости.

В этом контексте идеи нобелевского лауреата Амартии Сена о том, что социальная политика в конечном счёте должна способствовать расширению возможностей (*capabilities*) людей, становятся актуальными не только для бедных, но и для богатых стран[15]. Социально справедливое государство XXI века не просто перераспределяет ресурсы в пользу бедных, но создаёт условия, при которых снижаются риски потери занятости и дохода[16].

В европейских странах движение к этой модели социальной справедливости началось около двадцати лет назад. В настоящее время новая парадигма социальной политики получила название «государства благосостояния, основанного на социальных инвестициях» (*social investment welfare state*). В основе – представление о том, что программы, создающие возможности для трудоустройства и роста производительности труда, способствуют экономической устойчивости государства. Таким образом, социальное государство из бремени превращается в ресурс экономического развития.

Социальные государства, действующие в парадигме социальных инвестиций, развивают направления, позволяющие создавать и сохранять человеческий капитал – всеобщее здравоохранение, образование, программы образования и профессиональной подготовки на протяжении всей жизни. Наряду с этим они создают поддерживающие занятость инструменты в виде отпусков по уходу за детьми, развития дошкольного образования, создания системы долговременного ухода. В социальной защите они опираются на инструменты социального контракта, обуславливающего получение социальных выплат с трудоустройством. Получение пособий, хотя и увязанное с занятостью, не стигматизируется. Это не наказание, а поддержка благосостояния семей.

Приверженность парадигме социальных инвестиций объясняет реакцию европейских государств на пандемию. Центральный элемент их антикризисных программ связан с тем, чтобы, с одной стороны, поддержать доходы людей в период карантина, а с другой – максимально сохранить их возможности вернуться на прежние рабочие места по его завершению. Некоторые государства при этом рассматривают ещё и возможности предложить тем, кто всё-таки потеряет работу, перспективу переобучения.

И здесь мы возвращаемся к вопросу о том, где и в какой степени коронакризис способен стать источником появления новых взглядов на социальную политику и трансформации социальных государств. Большинство социальных последствий пандемии находятся в русле вызовов, ранее стоявших перед социальными государствами, но в какой-то мере делают их проявления ярче. Поэтому изменения, скорее всего, затронут прежде всего здравоохранение. В остальном они продолжают следовать концепции социальных инвестиций, уже доказавшей свою эффективность.

Для всех стран возможность использовать социальные программы в качестве ответа на чрезвычайный вызов пандемии – важный аргумент в пользу их сохранения, развития и шире – признания социальных функций государства важным инструментом решения

экономических и политических проблем. И в этом видится значимое на глобальном уровне и в долгосрочной перспективе следствие пандемии.

Наибольшая неопределённость сохраняется в отношении будущих траекторий социального развития средних по доходу стран, включая Россию. Их бюджеты зачастую не позволяют им иметь такие универсальные по охвату и уровню выплат или качеству услуг программы, которые существуют в богатых странах. Значительные масштабы неформальной занятости тормозят создание или разрушают программы социального страхования. Но для преодоления ловушки среднего уровня развития именно этим странам нужны дополнительные усилия, направленные на повышение качества человеческого капитала, выравнивание возможностей широких слоёв населения, которое невозможно без снижения избыточного и неправомерного неравенства. Одним из наиболее успешных инструментов достижения этих целей выступает модель социальной политики, основанная на парадигме социального инвестирования. Однако по-прежнему открыт вопрос о том, насколько для руководителей и населения этой группы стран очевидно, что следование неолиберальной парадигме маленьких социальных государств и максимального перекалывания ответственности за формирование благосостояния на плечи граждан и их семей тормозит их будущее экономическое развитие и выступает фактором политической нестабильности. Сейчас самое подходящее время для того, чтобы будущее государства стало основанием для критического отношения к неолиберальному шаблону, который по-настоящему выгоден только его создателям.

Прогрессивный национализм

Анатолий Ливен

Фундаментальная слабость Европейского союза в сравнении со странами – членами ЕС в том, что в глазах большинства европейцев он так и не добился настоящей легитимности, будучи квазигосударственным образованием.

[Подробнее](#)

СНОСКИ

[1] Lindbeck, A. (1986). *Limits to the welfare state. Challenge*, 28(6), 31–36. Offe, C. (1982). *Some contradictions of the modern welfare state. Critical Social Policy*, 2(5), 7–16.

[2] Gentilini, U., Almenfi, M., Orton, I., & Dale, P. (2020). *Social Protection and Jobs Responses to COVID-19*. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33635>

[3] Starke, P., Kaasch, A., Van Hooren, F., & Van Hooren, F. (2013). *The welfare state as crisis manager: Explaining the diversity of policy responses to economic crisis. The Palgrave Macmillan*.

[4] Verick, S., & Islam, I. (2010). *The Great Recession of 2008-2009: Causes, consequences and policy responses (IZA Discussion Paper No. 4934)*. Bonn, Germany: Institute for the Study of Labor (IZA).

- [5] *Глобальный пакт о рабочих местах: согласованность политики и международная координация. Международное бюро труда. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_norm/—relconf/documents/meetingdocument/wcms_116834.pdf*
- [6] Verick, S., & Islam, I. (2010). *The Great Recession of 2008-2009: Causes, consequences and policy responses (IZA Discussion Paper No. 4934)*. Bonn, Germany: Institute for the Study of Labor (IZA).
- [7] Van Kersbergen, K., Vis, B., & Hemerijck, A. (2014). *The Great Recession and Welfare State Reform: Is Retrenchment Really the Only Game Left in Town? Social Policy & Administration, 48(7), 883–904.*
- [8] Starke, P., Kaasch, A., Van Hooren, F., & Van Hooren, F. (2013). *The welfare state as crisis manager: Explaining the diversity of policy responses to economic crisis. The Palgrave Macmillan.*
- [9] Hemerijck, A. (2020). *Correlates of Capacitating Solidarity. Housing, Theory and Society, 1–11.*
- [10] Castles, F. G. (2010). *Black swans and elephants on the move: the impact of emergencies on the welfare state. Journal of European Social Policy, 20(2), 91–101.*
- [11] Lucchese, M., & Pianta, M. (2020). *The Coming Coronavirus Crisis: What Can We Learn? Intereconomics, 55, 98–104.* Navarro, V. (2020). *The Consequences of Neoliberalism in the Current Pandemic. International Journal of Health Services, Vol. 50(3), 271–275.*
- [12] Case, A., & Deaton, A. (2020). *The Epidemic of Despair: Will America's Mortality Crisis Spread to the Rest of the World. Foreign Aff., 99, 92.* Deaton, A. (2003). *Health, income, and inequality. National Bureau of Economic Research Reporter: Research Summary. Retrieved August, 15, 2009.* Lynch, J. W., Smith, G. D., Kaplan, G. A., & House, J. S. (2000). *Income inequality and mortality: importance to health of individual income, psychosocial environment, or material conditions. Bmj, 320(7243), 1200–1204.*
- [13] Chetty, R., Grusky, D., Hell, M., Hendren, N., Manduca, R., & Narang, J. (2017). *The fading American dream: Trends in absolute income mobility since 1940. Science, 356(6336), 398–406.* Mitnik, P. A., Cumberworth, E., & Grusky, D. B. (2016). *Social mobility in a high-inequality regime. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 663(1), 140–184.*
- [14] Ролз, Д. (2010). *Теория справедливости. ЛКИ.*
- [15] Сен, А. (2004). *Развитие как свобода/Пер. с англ. под ред. и с послеслов. РМ Нуреева. М.: Новое Издательство.*
- [16] Hemerijck, A. (2020). *Correlates of Capacitating Solidarity. Housing, Theory and Society, 1–11.*

#коронавирус #пандемия #социальное государство